

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2023.43.4.011

К 130-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ А.Ф.ЛОСЕВА

Катасонов Владимир Николаевич,
доктор философских наук, доктор богословия,
профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;
ул. Пятницкая, 4 / 2с1, Москва, Россия, 115035,
vladimir15k@mail.ru

Аннотация

В статье обсуждается Лосевская концепция личностной актуальности, показывается ее релевантность категории мифа, даются примеры ее применения в музыке, живописи, литературе.

Ключевые слова

Философия музыки, личностная актуальность, персонализм, религиозный смысл искусства, жанровые демаркации.

Концепт личностной актуальности как категория искусствоведения у А.Ф.Лосева

В этой статье я обсуждаю эстетическую категорию, активно используемую А.Ф. Лосевым в его ранних работах. К сожалению, в работах о Лосевском наследии не уделяется, по моему мнению, должного внимания концепции личной актуальности, столь важной, для понимания не только взглядов философа на искусство, но и в общеприкладном философском плане¹. Но вначале следует сказать

несколько слов о его общей эстетической концепции. В своих построениях Лосев подчеркивает, что он идет не способом априорного введения основных категорий («...задача, принципиально считаваемая нами за софистическую и внутренне противоречивую»²), а феноменологическим «списыванием» с очевидных данных внутреннего опыта. Эстетический опыт есть для него также опыт познания. Причем познание понимается здесь онтологически: в познании происходит реальная встреча познаваемого и предмета. В основании познания есть некоторая «точка», как пишет Лосев, точка соприкосновения «бытия» и «сознания». Именно из этой точки развиваются и структуры сознания, и сам «предмет». Этот исходный опыт познания неопределим, но он есть основа всех структур сознания. «В основе всех

1 В интернете мне удалось найти только одну работу, затрагивающую нашу тему: Виноградова А.А. А.Ф.Лосев о природе переживания в музыке (http://www.adogalakov.narod.ru/trudy/A_A_Vinogradova/N2.html – дата обращения 10.09.2023). Близко к нашей теме обсуждения персоналистского характера Лосевской философии, например: Безгодов Д.Н. Символ, миф и личность: персоналистическая доминанта философии А.Ф.Лосева (<https://cyberleninka.ru/article/n/simvol-mif-i-lichnost-personalisticheskaya-dominanta-filosofii-a-f-loseva.html>, дата обращения 15.08.2023); Гусейнов Г. Личность мистическая и академическая: А.Ф. Лосев о «личности» ([---

\[akademicheskaya-a-f-losev-o-lichnosti.html\]\(https://magazines.gorky.media/nlo/2005/6/lichnost-misticheskaya-i-akademicheskaya-a-f-losev-o-lichnosti.html\) – дата обращения 7.08.2023\).](https://magazines.gorky.media/nlo/2005/6/lichnost-misticheskaya-i-</p></div><div data-bbox=)

2 Строеие художественного мироощущения. С. 311 // Лосев А.Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Книга 4. Форма-стиль-выражение. М., «Мысль», 1995. С.297-320.

и всяческих эстетических состояний, — пишет философ, — а значит, и в основе всех искусств лежит первичное бытие, характеризующее 1) как непрерывная творческая текучесть и 2) как чистое познавательное неоформленное качество или смысл. Выражаясь популярно, это чистое качество есть чистое настроение, чистое, т.е. не тронутое мыслью»³. Важно подчеркнуть, что, по мысли Лосева, это своеобразное чистое качество, эта своеобразная умственная «материя» дана в искусстве как основа *начинающегося преобразования*. Это не просто материя материального мира, со всей ее смертностью, косностью и разложением всех форм. Искусство, согласно русскому философу, по своей природе, несет в себе религиозное зерно, начало преобразования мира, восстановления формы.

«На основе этого первичного бытия, которое мы выше характеризовали феноменологически — как чистый, доструктурный опыт, онтологически — как последнюю качественную основу сущего, или объективный смысл, и религиозно — как преобразующееся бытие, — на основе этого бытия искусство далее воздвигает структуры и образования, черпая последние из того предвидения Логоса будущих времен, искаженного в настоящем плане бытия до степени неподвижной и инертной материи»⁴. Это преобразование есть внесение в бытие формы, упорядочение его, преодоление его косности, алогичной и текучей бесструктурности. «Понятие оформленности потому должно играть первенствующую роль, что ведь искусство есть прежде всего познание, а в познании является главным прежде всего степень его оформления»⁵ — подчеркивает философ.

Вся сфера искусства распадается по Лосеву на две области. Первая, это — художественное мироощущение, лишенное устойчивого восприятия форм, чистый художественный опыт. Главным представителем его является чистая беспрограммная музыка, лишенная всяких пространственных образов. «Таково, например, большинство симфоний, квартетов, сонат: V симфония Глазунова, концерты для скрипки Бетховена, Мендельсона,

Чайковского, IV соната Скрябина и т. д.»⁶ Вторая область — это мироощущение, наполненное разнообразными художественными структурами. Сюда относятся словесные искусства, скульптура, живопись и т.п. Всю музыку нельзя записать в первую рубрику, конечно. Существует множество музыкальных произведений, тесно связанных с картинами воображения: «Полет шмеля» Римского-Корсакова, «La mer» Дебюсси, увертюра к «Золоту Рейна» Вагнера, «Буря» Чайковского и т.д. Также и живопись, особенно абстрактную, не всегда однозначно можно приписать ко второй группе, добавим от себя. Например, некоторые работы Кандинского при отсутствии эксплицитной визуальной формы производят удивительное «музыкальное» впечатление.

Тем самым, мы имеем в искусстве два мироощущения. Лосев называет их *музыкальное* (чистая музыка), и *образное*. Образное мироощущение ставит между человеком и бытием образ, со всей его логической нагруженностью. Музыкальное мироощущение не дает никаких конкретных образов, оно представляет нам чистые качества вещей, но дает их более непосредственно, интимно. Эти представления во многом аналогичны представлениям Шопенгауэра, писавшем о музыке в своей знаменитой книге: «Музыка <...> в противоположность другим искусствам, есть не отпечаток идей, а отпечаток самой воли, объектность которой представляют идеи; вот почему действие музыки настолько мощнее и глубже действия других искусств: ведь последние говорят только о тени, она же — о существе»⁷.

Чистый музыкальный опыт, конечно, также, по-своему структурирован, оформлен. Но эта оформленность не познавательная, подчеркивает философ. Для фиксации этой особой оформленности музыкального опыта Лосев вводит еще одну особую категорию *личной актуальности*. «Чтобы искусство ни изображало, оно всегда изображает человека и его душу, и уж по переживаниям этой души мы судим о том, что, собственно, здесь изображено «объективного». Поэтому не только лирика, но и эпос и драма изображают одинако-

3 Цит. соч., С. 300.

4 Цит. соч., С. 302.

5 Цит. соч., С. 303.

6 Цит. соч., С.303.

7 Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление: Т. 1 / Пер. с нем.; Под общ. ред. А. Чанышева. — М.: ТЕРА — Книжный клуб, Республика. 1999. С.224.

во человека и его чувства»⁸. Однако, степень личностной вовлеченности в изображаемое может быть различной. Эпическое начало дает нам экспозицию, не требующую от нас личного произведения, здесь личностная актуальность минимальна, мы как-бы просто созерцаем. Драматическое начало побуждает нас к действию, вызывает в нас стремление преодолеть, бороться, утверждать. По степени личностной актуальности лирика занимает промежуточное положение, в какой-то степени она присутствует и в первом, и во втором. «Нам нет настоящей нужды, — пишет Лосев, — точно фиксировать для каждого из трех указанных типов мироощущения степень личной актуальности. Важно только то, что актуальность непрерывно нарастает по мере движения от эпоса к драме, почему здесь и существует бесчисленное количество промежуточных звеньев. Но можно сказать, что эпос кончается там, где предмет, противостоящий личности как некая внеличностная данность (а это и есть условие отсутствия яркой актуальности), перестает быть отъединенным и душа начинает как-бы воплощаться в него. Драматическое мироощущение есть уже воплощение в предмет и восприятие всех его разногласий и строя на себя, на свою личность, так что предмет как-бы исчезает. В лирике же совмещается и некоторое отдаление от предмета, некоторая его внеличностность, и в то же время известная личная переработка этого предмета, известное, хотя и не полное, воплощение в него и восприятие его на себя (отсюда совмещение в лирике живой непосредственности настроения и в то же время вполне определенного *созерцания* этого настроения)»⁹.

Тем самым, Лосев выделяет две главные координаты эстетического мировосприятия: принцип формы, оформленность, и личностную актуаль-

ность. Его подход нередко ломает традиционные рамки и оценки. В частности, философ не согласен со школьной традицией относить пьесы Чехова к драме, а романы Тургенева к эпосу. И в первом, и во втором случае в этих произведениях слишком много лирики для подобных утверждений

В особенности релевантность категории личностной актуальности сказывается, когда мы рассматриваем категорию музыкального мифа. Лосев дает множества примеров музыкального мифа. Так, в работе «Музыка как предмет логики» после абстрактно-логического разбора сущности музыки, он приводит пример, показывающий «... как из океана алогической музыкальной стихии рождается логос и миф»¹⁰. Еще больше подобных примеров можно найти в художественном творчестве Лосева. Мы приведем небольшой отрывок из его повести «Трио Чайковского». Вот как описывается исполнение пианисткой Томилиной пьесы «Годы странствий» Ф. Листа. «Лист ей заметно удавался. Это, несомненно, потому что она была конгениальна Листовскому размаху, широкой и смелой трактовке великих и мрачных проблем. В эти часы музыкального и человеческого счастья не знаешь, что и о чем сказать; не знаешь, в Томилиной ли здесь дело, или сама Томилина — ничто, а действует через нее весь мир со своей величественной и мрачной судьбой или само Божество в своих поисках спасти и увековечить беспорядочное, смятенное человечество. В музыке Томилиной восставала темными ликами мировая мрачная воля, воля к вечному созиданию и утверждению бытия, не могущая, однако, преодолеть созданный ей же самую огромный мир. Кто-то великий и мудрый воззвал к бытию это роскошное и своенравное море вселенской жизни, и оно, это море, набросилось на него, на своего создателя, и поглотило его в своих безднах. И вот — томится, тоскует, скорбит и печалится эта мудрая и чистая душа, познавшая обреченность всякого оформления и роковую предзнаменность его раствориться в этой жестокой всепоглощающей бездне <...> Но вот хлынули со всех сторон мрачные и дикие волны, со стоном и жалобой погрузились в темную пучину последние вести светлого счастья... И все исчезло,

8 Строение художественного мироощущения. С. 309 // Лосев А.Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Книга 4. Форма-стиль-выражение. М., «Мысль», 1995. С.297-320.

Цит. соч., С.309. В еще более ранней работе 1916 года Лосев писал: «Как материальный принцип классификации типов музыкального мироощущения должен быть в первую голову привлечен принцип актуальности личности, ибо эта актуальность есть наиболее важное отличие всякого восприятия и всякого вообще человеческого бытия» (О музыкальном ощущении любви и природы. С.605 // Лосев А.Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Книга 4. Форма-стиль-выражение. М., «Мысль», 1995. С.603-622).

9 Цит. соч., С.310.

10 Музыка как предмет логики. С. 257 // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., Из-во «Правда», 1990. С. 195-392. Это мифо-литературное описание музыкальной пьесы принадлежит не самому Лосеву, что он и подчеркивает.

и все взорвалось, и все завертелось, запрыгало, закрутилось в восторге отчаяния, в жути сладострастия, в игре безумия с самим собою. Нельзя ни одной точке остаться нетронутой. Все жаждет, рыщет, трепещет от восторга; миры создаются и рушатся в черной и страстной пляске; божественная мощь нутряных основ бытия и свищет, и неистовствует, и бьется в последней судороге, и рассыпается, и мечется, и ликует в урагане смерчей. Скорбью окутан океан бушеваний; в тоске и ужасе разбиваются надежды мира; и хохот, адский вселенский хохот охватил мировую жизнь, и в волнах его погибли страдающие образы мира. Что это? Не красный ли язык высунуло какое-то исполинское чудовище, и хохочет, и злорадуется, издевается над всем, зверино вращая глазами? Или это убийца с трясущимися руками и ногами, с кровавыми глазами, в согбенной кошачьей позе подкрадывается к ребенку с ножом в руках, этим блестящим и длинным ножом?.. Да, да, вот он крадется, извивается, ползет... Вот он занес белую блестящую сталь... Вот-вот, сейчас-сейчас... Еще-еще... Ближе... Чуть-чуть ближе... И... И... Хват! Хват! Ножом по самому горлу! И... И... Хват! Еще раз! И еще раз!.. Фонтаном прыснула кровь ребенка, плетью ударила разбойнику в лицо... И обагрилось кровью лицо убийцы, закраснелись трясущиеся руки и все платье... И он низко согнулся, как уродливый горбун, чтобы ближе рассмотреть лежавшего на полу зарезанного ребенка...»¹¹

И здесь естественно вспоминаются определения из Лосевского учения о мифе. Приведем несколько цитат. «Миф есть в словах данная личностная история»¹². «...определение мифа будет такое: он — символически осуществленная интеллигенция. Я же утверждаю, что *личность* и есть символически осуществленная интеллигенция. И потому вот наикратчайшее резюме всего предыдущего анализа, со всеми его отграничениями и подразделениями: **миф есть бытие личностное** или, точнее, **образ бытия личностного, личностная форма, лик личности**»¹³. «Слой

личностного бытия лежит решительно на каждой вещи, ибо каждая вещь есть не что иное, как вывороченная наизнанку личность, колеблющаяся между Перво-огнем и Перво-светом, с одной стороны, и Тьмой Кромешной, с другой. Каждая вещь, оставаясь самой собою, может иметь бесконечные формы проявления своей личностной природы»¹⁴. «Миф есть не субстанциальное, но *энергичное* самоутверждение личности. Это — не утверждение личности в ее глубинном и последнем корне, но утверждение в ее *выявительных* и *выразительных* функциях. Это — образ, картина, смысловое явление личности, а не ее субстанция. Это, как мы уже сказали, *лик* личности. Но раньше мы употребили это выражение как абсолютно тождественное с термином «личность». Сейчас же мы берем его в собственном значении, противопоставляя лик, принадлежащий личности, и — данную личность. Миф есть *разрисовка* личности, картинное излучение личности, образ личности»¹⁵.

Своеобразное литературно-мифологическое изложение музыкального произведения Лосев не считает совершенно произвольным. В примечании 9 к уже упоминаемому примеру музыкального мифа, данному в «Музыке как предмет логики», философ пишет: «Я утверждаю, что всякая музыка может быть адекватно выражена в соответствующем мифе, причем — не в мифе вообще, но только в одном определенном мифе. Структура самой музыки предопределяет и структуру мифа совершенно точно и определенно, хотя, быть может, это и трудно сделать, а композиторы часто создают миф, т. е. понимают свою музыку отнюдь не адекватно подлинной сущности этой музыки. Музыка, построенная на затяжных ритмах, на больших *ritardando*, на мягкой динамике и т. д., не может, напр., создать миф, где было бы сильное движение, героические усилия, победа или напряжение. Тембр, тональность или атональность, темп, характер мелодического и гармонического построения и т. д. дают весьма прочное основание для мифа; и критик, умеющий войти в музыку и обладающий необходимым для этого минимумом художественного понимания, всегда сумеет если не выявить самый миф данного произведения, то во всяком случае наметить его общие контуры <...> Полноту

11 Трио Чайковского. С.171-172 // Лосев А.Ф. Я сослан в XX век... В двух томах. Т.1. М., «Время», 2002. С.106-231.

12 Диалектика мифа. С.151// Лосев А.Ф. Миф, число, сущность. М., Из-во «Мысль», 1994. С.5-216.

13 Цит. соч., С.73.

14 Цит. соч., С.93.

15 Цит. соч., С.99.

мифологического понимания музыки я счел необходимым противопоставить абстрактно-логическому пониманию, которому посвящен этот очерк. Только наличие резкого опытно-мифологического понимания и может стать базой для логических абстракций»¹⁶.

Подобных литературно-мифологических описаний музыкальных произведений, примеров своеобразного олицетворения музыкального опыта, мы находим во множестве в художественной прозе Лосева. Вот еще одно такое описание: «Да даже в «Мефисто-вальсе» — смотрите, как в роскошном вступлении из мрачной басовой глубины и пучины вылезает нелепое, дикое, угловатое чудище, неуклюжее и огромное, которое лопочет какую-то исковерканную невнятность, ежемгновенно запинаясь языком и ногами, смешно и болезненно хромает, гримасничает, подмигивает или прямо издевательски высовывает язык, приплясывая тяжело, грузно, круто и как-то даже нудно. Вот оно все переливается, пересыпается, переваливается, и — вальсирует, упоенно-цинично вальсирует. Да это разве люди танцуют? Когда в отношении такой музыки обычно говорят, что это — вальс обнаженных скелетов с обнаженными зубами и длинными-предлинными руками и ногами, то, как ни трафаретен этот образ, но он совершенно реален для этой музыки, и потому это уже не поэзия, а самая подлинная мифология. Эти скелеты взаправду стучат друг о друга костями и закидывают ноги выше головы. Это — вальс издевательского хохота, язвительных или злорадных разоблачений, вальс артистически-исступленного, рыдающего сарказма»¹⁷.

Самое главное здесь, что эти описания всегда характеризуются определенной степенью личностной актуальности, градусом и характером олицетворения. Или это есть грустно-меланхолическое настроение «Осенней серенады» Чайковского, или глубокая философская сосредоточенность *Adagio sostenuto* «Лунной сонаты» Бетховена, или игривая, порой капризная атмосфера вальсов Шопена, — всегда мы, в той или иной степени можем представить лицо, во внутреннюю жизнь которого погружает нас музыка. Но то же применимо

и к живописи, Лосевское понимание эпического, лирического, драматического мирозерцания актуально и здесь. Эпичность взгляда Шишкина иногда достигает степени гимна (картина «Рожь»); всем известна лирика полотен Левитана (хотя у него есть и эпические картины, например, «Над вечным покоем»); драматические сюжеты Репина (картины «Не ждали», «Иван Грозный убивает своего сына»¹⁸).

Нельзя, в связи с этим не отметить и постоянно повторяющийся у Лосева образ совершенной, но холодной статуи, как символа античной культуры. Так в «Самом само» он пишет: «В Едином античной философии проявлена эта основная символика античного гения и постоянная склонность его все оформлять, но оформлять не больше, чем в виде живого чувственного тела. Тут сказалась та серединность античного гения, которая не знает ни глубин самостоятельной личности, ни безразличной свободы и анархизма телесных протеканий. Она формализирует личность, но она связывает и чистую текучесть. И вот эта-то античная пластика, прекрасно-оформленная, но *лишенная теплоты и глубин личного опыта*, и зафиксирована в величавом учении о Едином (курсив мой — В.К.)»¹⁹. Здесь, по нашему мнению, опять сказывается фундаментальная интуиция личностной актуальности, являющаяся характерной чертой Лосевского христианского персонализма.

Список литературы

1. Лосев А.Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Книга 3. Миф-Число-Сущность. М., «Мысль», 1994
2. Лосев А.Ф. Я сослан в XX век... В двух томах. Т.1. М., «Время», 2002
3. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление: Т. 1 / Пер. с нем.; Под общ. ред. А. Чанышева. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, Республика. 1999
4. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., Изво «Правда», 1990
5. Виноградова А. А. А. Ф. Лосев о природе переживания в музыке (<http://www.adogalakov.narod>).

16 Музыка как предмет логики. С.587 // Лосев А.Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Книга 4. Форма-стиль-выражение. М., «Мысль», 1995. С.405-602.

17 Метеор. С. 258 // Лосев А.Ф. Я сослан в XX век... В двух томах. Т.1. М., «Время», 2002. С.253-318.

18 Любопытно, что картина Репина об Иване Грозном два раза спровоцировала нападение на нее, в 1913 году (Абрам Балашов) и в 2018 (Игорь Подпорин). Явив, некоторым образом, предел драматичности.

19 Самое само. С. 362-363 // Лосев А.Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Книга 3. Миф-Число-Сущность. М., «Мысль», 1994. С.299-526.

ru/trudy/A_A_Vinogradova/N2.html – дата обращения 10.09.2023).

6. Безгоднов Д. Н. Символ, миф и личность: персоналистическая доминанта философии А. Ф. Loseva (<https://www.cyberleninka.ru/article/n/simvol-mif-i-lichnost-personalisticheskaya-dominanta-filo->

sofi-a-f-loseva.html. – дата обращения 15.08.2023)

7. Гусейнов Г. Личность мистическая и академическая: А. Ф. Losev о «личности» (<https://magazines.gorky.media/nlo/2005/6/lichnost-misticheskaya-i-akademicheskaya-a-f-losev-o-lichnosti.html> – дата обращения 7.08.2023)

ON THE 130TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A.F.LOSEV

Katasonov Vladimir Nikolaevich,

DSc in Philosophy, DSc in Theology;

Professor of Ss Cyril and Methodius Theological Institute
of Post-Graduate Studies in Moscow

str. Pyatnitskaya, 4 / 2S1, Moscow, Russia

vladimir15k@mail.ru

Abstract

The article discusses Losev's concept of personal relevance, shows its relevance to the category of myth, gives examples of its application in music, painting, literature.

Keywords

Philosophy of music, personal relevance, personalism, religious meaning of art, genre demarcation.